

Кабак Владислав Олегович

7 дней до бесконечности

короткий рассказ

(2010, 2011)

Живите сейчас...

I. Смерть

Не было больно, даже страха не почувствовал... Было просто неприятно, неуютно, не по себе. Ведь когда какой-то неопытный стоматолог удаляет Вам зуб — это больно, или если ударились пальцами стопы об краешек двери — это больно!!! Хотя, признаться, когда ещё был жив, промучившись цельную ночь с больным зубом (даже биться хотелось головой об стенку — так болело) и утром, идя к зубному доктору, всё-равно витали мысли, на вроде «терпеть это мучение в кресле зубника — хуже смерти»... Теперь бы я по десять раз перепломбировав все свои зубы, каждый день бы ходил сверлить зуб, ведь какое это невообразимое чудо, благодать и счастье — *чувствовать!!!* Хотя, как говорил Достоевский, никто не использует второй шанс, второй шанс — это та соломинка, ухватившись за которую человек вскоре выбрасывает ее за ненадобностью. Наверное, это правда... уверен, что почти наверное правда. А как бы хотелось. Нет, даже не хотелось, хотеть это не совсем то, о чем проносится в голове, но и словами живых не сказать иначе. Ну да что же...

В голове просто стало тяжело, возникло ощущение, что сотни цепей сковали тело и потянули к земле, хотя и так лежал — потому не падал и даже не ударялся головой. Не было экранных поз, таких как в случае убийства потом обводят мелком. Нет — просто тело на кровати, голова немного повернута на бок, поскольку подушка лежала не ровно и голова поневоле скатывалась на бок. Кто бы зашел — подумали бы, что человек просто дремлет. Поэтому, не упал — и слава тем, о ком поговорим немного далее. Чувство тысяч тонн веса, которые навалились на тебя сверху и нет мочи пошевелить даже пальцем — да и ляд с ними, с пальцами! Силы пропали даже на то, чтобы вдохнуть воздух — легкие стали тяжелыми, а время идет... И в этот момент не до подсчетов на секундомере, но время идет медленно, это ощущаемо очень отчетливо, потому как с каждым мгновением всё с большей силой и страстью хочется воздуха... Но волнения ещё

особого нет, потому как... «ну не умру же сейчас, в конце-то концов! Вот-вот... ещё чуточку и всё пройдет!»... ну и в том же духе, мысль не материальна, словами не опишешь, но суть их такова.

Прошло очень много времени (быть может, на часах и прошло несколько секунд, но тут и далее будет говориться о субъективном времени, поскольку объективного времени для сознания не существует — только для машин), пришло подозрение того, что может быть не всё так просто и что *просто* так не обойдется. Начался самый неприятный, тот самый что обсуждался в начале, момент времени — тщетные попытки и мучения от напрасных надежд. Тело отчаянно не подчиняется, но мозг требует. Возникают совершенно нелепые попытки восстановить дыхание, в мозгу моментально прокручиваются все варианты, но... от бессилия тела теряется и сила духа. Оставляются уже и попытки к самоспасению, поневоле, на краешке глаза, а потом на щеке ощущаешь холодную слезу. Как это странно — ведь слеза течет, значит жив ещё организм; странно и то, что такие рассуждения в эдакий момент. Тут проносится последний миг надежды — вот бы кто сейчас вошел да дернул за плечо, быть может это помогло бы... и ждешь... тишина в комнате, вроде бы было слышно тиканье часов, но сейчас не слышно, всё внимание туда — куда-то к двери. И такая невообразимая надежда... нет, даже не надежда — уверенность, что непременно сейчас должен обязательно кто-то прийти и это будет означать неперемное спасение. И только этим и проносятся те секунды, что в мыслях тянутся минутами.

Хочется кричать, очень хочется крикнуть на всю Вселенную — тогда кто-нибудь да услышит, если никого в доме нет — значит придут на крик с улицы (это займет секунд 20, хотя, возможно и 30), выломают дверь за 30 секунд, добегут ко мне за 5-7 секунд, увидят, оценят ситуацию и примутся за неотложные меры... Т. е. Всего около минуты — двух, значит, шанс есть. Надо только набраться сил и крикнуть, но ничего не выходит, в одно мгновение даже почудилось, что удалось выдать некий скудный, еле слышный глухой звук, но, скорее всего, лишь показалось. И так стало обидно!!! Это не передать словами... почему никого рядом нету, ну почему никто не зайдет именно теперь?

В мыслях не до храбрости и великодушного жеста мысли, навроде «*c'est la vie*» — жить очень хочется!!! И ничего романтического и красивого в процессе умирания нету, это очень мерзкое состояние, очень чуждое живым, очень непонятное и даже чем-то глупое. И надо же... какие нелепые мысли рождаются в голове (особенно в случае 30 секунд на выламывание дверей)... но когда Вы будете

на моем месте, а Вы непременно будете, то не станете улыбаться над нелепостью своих попыток к спасению, уверяю.

Страх и окончательное понимание того, что стоишь на пороге смерти пришел, когда ощутил, что сердце не стучит, и это в такой-то тишине... ощутил незаметно, как бы между прочим; пытался вспомнить — давно ли уже не слышно этого стука, но не вспомнил. И страх этот не обычный, а очень мерзкий и холодный, в один момент пришли не какие-то неуверенные мысли, а четкое и окончательно понимание что сейчас, вот именно теперь умираешь, что ещё немного времени жив, а потом не станет, не станет целого мира этих рассуждений, идей, воспоминаний о детстве, о любви, о мечтах и надеждах... смерть придет не пафосно, а очень тихо и в чем-то банально.

При этом всё — сильно болит голова, не смертельно (как это иронично звучит... кто бы знал из *них*, как действительно смертельно голова болит!), но очень неприятно, чувствуется сильное покалывание в мозгу — кто хоть раз терял сознание или был в преддверии такой ситуации — тот поймет ощущение. Но только теперь сознание не уходит, лишь болит да «кружится» голова. Мысли закручиваются только вокруг одного — сейчас придут и спасут, сейчас придут и спасут..... Как молитва, как заклинание и как просьба, и не слышишь уже ничего вокруг, даже перестал прислушиваться к тем, кого ждал как спасение... нет — только эти слова повторяет рассудок, как индийскую мантру, но только всё медленнее, всё тише, медленнее и тише... тише... уже всё слилось со всем, слова с ощущениями, боль со словами, уже ничего не понятно, уже ничего не пытаешься понять, всё стало очень необратимо и очень тихо, спокойно и почти незаметно. Всё, я умер...

Стоит отметить, что не было никаких пронесшихся воспоминаний всей жизни, или ужасной трагичной мысли о будущем и прошлом, даже родные и близкие не вспоминались. Какой там! Что за выдумки этих режиссеров, которые снимая фильмы о похожей ситуации, выдумывают мысленные прощания с близкими, сопливые сцены тревоги и разного рода подобий!!! Как же всё в действительности проще и даже жаль... может умер не как все — мол все красиво умирают, «как надо»... Быть может, не успел подумать о том, о чем нужно в эти моменты. Да нет же! Все эти романтические сцены прощания, нежные сопли с последними словами — это всё живым, это для них, для успокоения их мыслей, ожиданий и, в чем-то, совести. А тогда — об этом не думаешь, потому как лелеешь надежду на жизнь и думаешь о том, что можно сделать теперь, чтобы остаться жить, а

потом... потом вообще не думаешь (но об этом — в следующей части).

Продолжение следует...)

II. Живые и мертвые

Проснулся рано утром, наверное, солнце только-только встало. Настроение обычно в такие дни, а день этот выходной, наиболее благоприятнейшее — впереди свободный день, погода прекрасная, мир замечателен своей красотой и вообще, с минуты-на-минуту наступит всеобщее счастье и благоденствие (конечно же, ровно до того момента, когда всё-же придется подняться с постели и пройти готовить утренний чай). Но это утро было иным. То бишь утро было таким, но только совсем другим по содержанию. Стояла непривычная тишина — не было легкого звона посуды и размешивания ложечкой чая, вода из крана не текла и не слышать обычных безмятежных шагов, точнее небрежного, скрытого обычно от посторонних внесемейных ушей, потоптывания. А вот приглушенного было много — легко можно расслышать шептания, нарочно подчеркнутая аккуратность передвижения, будто бы комнаты заполнены нежнейшими хрустальными нитями, порушивши которые случится нечто ужасное. Все пытаются не задеть близких, словно бы всем видом своим и телодвижениями выказывая свое неудобство положения, чтобы присутствие это прошло как можно более незамеченным. Тем самым, поневоле, делая положение некоторых (по крайней мере, близких) еще более трудным, поскольку попытка оставить в покое человека в трудную минуту слабо, если рассуждать без нарочной мишуры, способствует делам помощи. И самое неприятное в такой обстановке — молчание, тишина и молчание. Конечно же, плясать в такой обстановке было бы, мягко говоря, странным, но тишина... как это жутко и мерзко, отвратительно. И более всего — шелест и шуршание какими-то тканями, то-ли одежды, то-ли ещё чего. Это просто сводит с ума — в полнейшей тишине постоянное шуршание одежд, очевидно что женских юбок, но возможно и верхних нарядов. И тем сильнее ненавистный грохот этого шелеста, чем аккуратнее люди пытаются двигаться.

Все думают. Без исключения. Взрослые, дети. Младенцы не думают только оттого, что их не взяли на этот праздник жизни. Конечно же праздник! Вон они — все живые, несколько грустные, но это временно, а так — вполне живые. И чего ещё им надо для счастья и радостной жизни? Они имеют под ногами эту бесконечность — жизнь, возможность всего! Негодные люди, как они могут грустить! Все думают... О чем? Да банальные вещи: кто о жизни, кто о том чего не

успето, кто-то даже о том, что будет на застолье, кто-то витает в воспоминаниях (неприятные ощущения отбросим — рассказывать о них не имеет смысла тут). Дети... дети задаю себе вопрос: «А как это? Нет, ну всё понятно, ну а всё-таки, как это???». Дети познают мир.

Не хотелось бы о мерзком, но для полного завершения образа в голове, нужно упомянуть о легком духе, от которого никуда не денешься, особенно в жару. Ещё одна отвратительная мерзость подобного рода — завешенные зеркала. Это делает, и без того до невыносимости тяжелую обстановку, ещё тяжелее и неприятнее, оттого каждый, кто выходит на свежий воздух, чувствует просто непередаваемое ощущение... не свободы, но высвобождения.

Много раз приходилось при жизни бывать на похоронах. Всегда было чувство отчужденности, некоего внутреннего страха (именно страха, а не боязни), каких-то размышлений постоянных, мысленного самовоспроизведения в ситуации покойного, какого-то умственного остоленения, другими словами. Но весь страх улетучился, пропали все мысли подобного рода в тот самый момент, когда пришлось впервые в жизни нести гроб — по правую руку, бывшей пожилой женщиной, покойницы. У изголовья. И нести гроб можно было либо сильно отвернувшись от него, либо достаточно повернувшись (поскольку неудобно и тяжело). Вот повернувшись и нес. И так вышло, что весь путь наблюдал лицо-в-лицо покойницу. Через некоторое время, пришло понимание, что человека-то здесь нет, был ещё недавно, присутствовал так сказать, а теперь это не мертвый человек, это просто что-то неодушевленное. Уверенность укрепилась, когда в другой раз (кто-то может быть прочтет и тоже вспомнит) пришлось практически в руках, без гроба, нести тело с верхних этажей по лестнице вниз. Это особенное ощущение, когда несешь ранее живого человека, а теперь просто тело... просто тело! Были ещё случаи... В общем, довольно быстро пришло безразличие к мертвым телам (естественно, что не к жизни, говорится только о теле покойных).

Для чего это всё говорится? Подвожу всё к прощанию с телом своей бывшей особы. Именно с телом, ведь как можно попрощаться с человеком, если человека уже нету? По крайней мере, то что называется человеком в привычном смысле. Ведь человек остается в воспоминаниях, в результатах своей жизни, в потомках, если таковые имеются, во всём, что окружало! Выходит, что жизненная сущность человека значительно превышает его биологическую суть! Вокруг нас *нашего* больше, чем в нас самих!!! А все пришли прощаться с бездушным пустым телом. Нет! Не то чтобы, это же всё понятно, ведь все видели оболочку, никто же не может

сказать, что воочую видел сущность человека... нет, только вот это лицо, руки... к ним привыкли — с ними и прощатся. Это понятно и нормально. Но со стороны... А впрочем, со стороны это безразлично. Абсолютно совершенно совсем безразлично. Если видели колонию муравьев — все что-то копошатся, передвигатся, делают... но даже ведь жизнью муравьиной колонии можно увлечься... а тут... словно бы остолбенение — совершенно безучастное наблюдение. Нет, ну веки-то закрыты, собственно глазами видеть невозможно, да и слышать-то вообще-то не положено... но слышно. Правда. Но не совсем так, а как-то иначе, словно бы всех и сразу, но всех понимаешь и слышишь. И ничего не пропускаешь, ни единого слова, даже шепот чей-то в самом дальнем углу — и тот слышен и понятен. И видишь. Нет, ни снизу (по-гоголевски), ни сверху (как в фильмах про привидения), ни ещё как-то — просто видно всё. Как? - даже не утруждаюсь размышлениями. Но понятен каждый разговор, каждая мимика лица выдает истинные чувства и мысли, даже глухота дыхания слышится мыслями своего хозяина. И все разговоры, мысли, действия — от самых уважительных, до совершенно глупых и оскорбительных-бы... все совершенно безразличны. Вот как телевизор принимает сигнал — он же ничего не раздумывает о его содержании, просто его микросхемы пропускают сигналы, меняют их и выводят зрителю. Так же и тут — просто восприятие всего этого вокруг, но никакой реакции или ощущений... Вот кто-то говорит что так много не успето, о каких-то чувствах мысли... всё безразлично. Вот пришел и батюшка, который всю жизнь проживет, а так и не поймет кто был Христос и чему Он учил людей... А там, подальше у окна, неприятный когда-то человек... да и ему неприятно. И мысли его далеко не сочувственны, а даже наоборот... но это тоже безразлично. Просто всё видно и понятно. Ничего более. Никаких желаний, чувств, ощущений, реакций... абсолютная пустота. Даже родные и близкие, которые переживают теперь горе, не вызывают никаких мыслей.

Они думают, что как-то или что-то их теперь услышит, или ещё что-то, личное для каждого... да и мне должно было бы чувствовать нечто такое. Ведь каждый при жизни моделировал подобную ситуацию — кто представлял, что о нем будут думать, а он будет думать своё, кто-то — что похороны его будут веселыми, кто-то даже мог быть рад тому, что приносит облегчение тем, кому ненавистен, есть много и других вариаций. А кому-то вообще глубоко плевать и, кстати, таких большинство. И те кто думал — думал о том, как он будет после смерти, что будет всё легко или напротив, но что-то да будет, даже не христианское — просто что-то;

некто говорил что будет пустота. Многие, конечно же считают и так, что смерть не наступит — просто жизнь кончится. И всё... Сказали, что для них так и случиться. Обязательно случится так, как они хотят.

Вот... а теперь поздно уже говорить что-либо, прощаться, плакать, сочувствовать. Умер не тот, который сделал, потому как сделанное никуда не исчезнет, а с ним и человек, делавший; умер тот, который мог ещё сделать, умер предмет, обращаясь к которому подразумевали нечто другое — сознание, мысли и память человека. А ведь самую суть человека никто никогда не поймет - «чужая душа — потёмки»... а всё-равно люди дружат, влюбляются, привязываются. Получается так, что либо привязываются к тому, что сами хотят видеть в человеке, либо имеют ввиду только тело, внешнюю оболочку. Так или иначе — не грустите о человеке *слишком уж* долго — радуйтесь всеми религиями за лучшее души человека, не думайте, не анализируйте о загробии и вечности (это путь к безумию... хотя, некоторые вероучения дают прекрасные пояснения, но это вовлекает ум человека в одиночество, знание — несчастье, не стремитесь уж слишком к этому)... просто верьте! Бог, как бы его не называли, что бы под ним не подразумевали — он есть, а душа — бессмертна (это даже доказуемо, но это не суть этого рассказа). А если не будет хватать поступков и слов человека — ну так повторите и возьмите всё лучшее от него, все его поступки повторите, а слова запомните. Это и будет настоящая бесконечная жизнь на протяжении веков в умах и сознании людей. Те же кто привязан только к телу — те ещё сильнее *умерщвляют* этого человека. Всё что нужно - нужно делать при жизни, а потом это уже излишне и безразлично. Никогда не желайте смерти себе и другим без причины, вы не понимаете чего желаете. А если есть причина — всё-равно не желайте. Если не умеете любить — не любите, не умеете дружить — не дружите, не умеете верить — не верьте, не умеете молиться — не нужно молиться, не знаете Христа — не знайте, не верите Создателю — не нужно, но знайте — вы умрете и поверите, захотите любить и верить, захотите просто хотеть — но будет поздно.

III. Царство Анубиса

Бесповоротность события — это единственное оправдание любому поступку. В любом другом событии — всегда можно найти альтернативу, более справедливую с той или иной точки зрения. Когда же случается событие, которое уже невозможно изменить — любой поступок может быть оправданным, даже смерть самой Вселенной... и оправданием будет безысходность.

А что может быть бесповоротнее конца? Думалось мне так, а потому вся жизнь и ее не совсем годные поступки я считал не важными, хотя и помнил о них, просто так, между прочим. Кто же осудит теперь меня, кто судья, а совесть моя — она моя и только моя, кому дело до её темных уголков. Да, верил я в нечто, но не так чтоб уж очень действительностью, так чтобы чувствовать присутствие и неизбежность этого неизведанного всей живостью сердца и ума моего. Слишком уж, коль уж принимать веру полной мере, казалось мне невозможным некое наказание, от Творца, что нас же научал прощению и милосердию, хотя бы даже и от темной стороны Создателя (например, сатаны, если смотреть с точки зрения Православной Веры). Но я не знал известную истину, наверное, потому что тогда не хотел слышать, хотя имел уши. Гласит она о том, что не сатана виновник наших несчастий — он только подстёгивает и руководит, но отсутствие Бога в наших душах это и есть смерть души. Бог это суть, которую никто не познает, кроме него самого, но для живого человека Бог — это вера, надежда и любовь, как говорил апостол, и любовь из них больше. Но вера из них — сильнее. Ведь любовь или надежда без веры пусты, но не имея любви и даже надежды ещё остается вера.

Во мне не было Бога, хоть я и был в нем... Там всё иначе. Там даже скорее ничто не так, как в мире. Там всё одно и каждое отдельно, все вместе и нет расстояний, там нет меры времени и нет живых или мертвых... там всё иначе. Там каждый получает то чего хотел всю жизнь... я наблюдал миллиарды душ одновременно. Кто хотел разбогатеть (а таких тут много) — стали богатыми. Имеют всё что хотят, но не счастливы, потому что в мире богатство возвышало их над другими, приближало к целям и в этом была суть. Но здесь уже нет целей, а всем, мягко говоря, безразлично практически всё иное. Вот и мечутся бедняги, имеющие всё, что не пожелают, но не находящие в этом и капли удовольствия... Жаль их.

Видел убийц... они хотели смертей — они их получили. Они «получают» от сатаны жертв, десятки, сотни... убивают их, но нет счастья в их глазах. И от этого злость их только растет и они всё с новой яростью убивают... И здесь нет пределов и мер, потому злость и несчастье их всё сильнее и сильнее, но главное — что так будет вечно... вот мука-то адская. Жаль и их.

Здесь все получают по своей вере. Потому кто верил в настоящее счастье — тот счастлив тут бесконечно, а кто верил только в себя, к слову, вообще исчезают бесследно, ведь человек, а точнее суть человеческого и всего живого есть ничто по себе, а лишь суть желания и творения Вышнего.

Конечно же и мои стремления в жизни проявляются в полной мере и лишь

теперь можно ощутить то, что есть жизнь и для чего есть жизнь. Но чтобы понять это нужно попасть сюда. Это ирония жизни.

И вот, обернувшись на своё прошлое я не вижу ничего. Совершенно и решительно — полная пустота и хаос из глупостей, бессмыслиц и ничего не стоящих ценностей, которые считал я раньше хоть немного стоящими. Понимаете ли, это осознание пустоты, когда всё бесповоротно и невозвратно... И вот я сижу над обрывом, позади меня стена, а предо мной обрыв и черная бесконечная бездна — это моя жизнь. И я пристально смотрю в эту бездну и не вижу ничего... Чувство, что всё бессмысленно, что что-то не завершено, что-то не успето, не доделано, не сказано, упущено; но и твердое же понимание, что ничто уже не вернет меня назад, а с другой стороны и конца уже не будет, ведь хорошо было бы просто уснуть или умереть, лишь бы не думать об этом. Но дальше конца нет пути. И эти непрерывные мысли доводят меня до невыносимого безумия и душа болит, и сердце ноет, и будет бездна моим единственным спутником не год и не сто лет, а всегда. Вот он, мой ад и мои вечные терзания...

* * *

Единственное, чему к можно научиться (а ирония Создателя, что учится уже и не за чем), это быть милосердным к окружающим живым существам. Пока человек жив, он не так воспринимает слово *«милосердие»*, как оно есть, как оно должно быть. Милосерден ли прохожий, подавший руку упавшей старушке? Безусловно, что он не жестокосерден и заслуживает похвалы. Но то ли это милосердие, о котором говорили Великие (в частности, Христос — он ближе культуре русского человека)? Подать руку — это... это нормально, это не подвиг, не чудо и внутренне считать свой поступок героизмом — это очень страшный грех. Нет, никто не будет «карать и наказывать» за такие мысли, но такие размышления делают обладателю их «медвежью услугу», давая повод надеяться на свою праведность в делах, которые, в действительности, есть только абсолютно нормальный поступок.

Является ли милосердием тайная помощь более обеспеченных людей нуждающимся? Опять же — прекрасный поступок, достойный звания человека лучшей эпохи. Но и это не милосердие в его чистом проявлении. Что же милосердие? Восстановим в памяти голод в южных регионах СССР тридцатых годов. Идет по улицам города мать троих голодных умирающих детей — она нашла всеми правдами (о неправдах умолчим) кое-какое пропитание, что даст не ей, но ее детям отсрочку гибели. И тут ей повстречались, лежащие у обочины дороги, такие

же детишки, у которых уже не осталось родителей, еды у них совсем нет — они просто прилегли у забора, чтобы встретить смерть вместе. Условимся, что все, и мать эта, да и сами дети понимают, что та еда, которую несет эта женщина, уже не спасет этих сирот, да и никакая другая — они уже фактически обречены, жить им пару часов. Своих же детей, коли она принесет им эту пищу, она может ещё спасти. Рассудок, логика, законы природы, даже и совесть (как ни странно) говорит, что она обязана отнести еду родным (и даже не это, а тех, кого она в состоянии спасти)... но милосердие, думаю уже понятно куда я веду мысль, это как раз отдать нуждающемуся не то, чего у тебя в избытке, а то, без чего тебе трудно. Вот настоящее милосердие. И только таким оно может быть. Для самой души человека должно быть совестно считать своим достоинством помощь «тем, чем могу».. это называется подачкой, по большому-то счету (хотя, ни коим образом не говорю, что делать этого не надо — но и гордится... иметь гордость за себя в этом случае тоже не стоит). Если делаешь что-то, чего от тебя ждут ради только своего эгоизма или даже наслаждения — это ничего не стоит перед судом Создателя. Делать же дела по настоящему милосердию — это бесценный дар человеческой души... именно поэтому не стоит зря говорить о той пустышке, что часто зовут милосердием, оскорбляя тем самым саму суть вещей.

Прошу вас, будьте милосердными и ищите счастье всю свою жизнь, а иначе — всё зря. Ну да что... кто не поймет — тот счастливо проживет, кто поймет, но поймет извращенно по-своему — тот глупцом проживет, если же поймет, но не сможет быть таким — так оно и лучше, поскольку честная правда — лучше самой сладкой и оправданной всеми моральными устоями лжи. Разум способен всегда трезво оценивать следствия обдуманых причин, а бездумность обречена на непредсказуемые последствия. А как поступать, как жить и думать — выбирает каждый сам, я вообще ничего не говорил, это только показалось... и разве я мог? - я мертв уже седьмой дней....

28.11.2010 и 31.11. 2011